

СЕРГЕЙ ВОЛЬФ

ПРИНЦ

ИЗ

1 "а"

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Сергей Евгеньевич Волф, ПРИНЦ ИЗ 1-го

Ответственный редактор Н. Г. Иван. Художественный редактор А. В. Карпов.

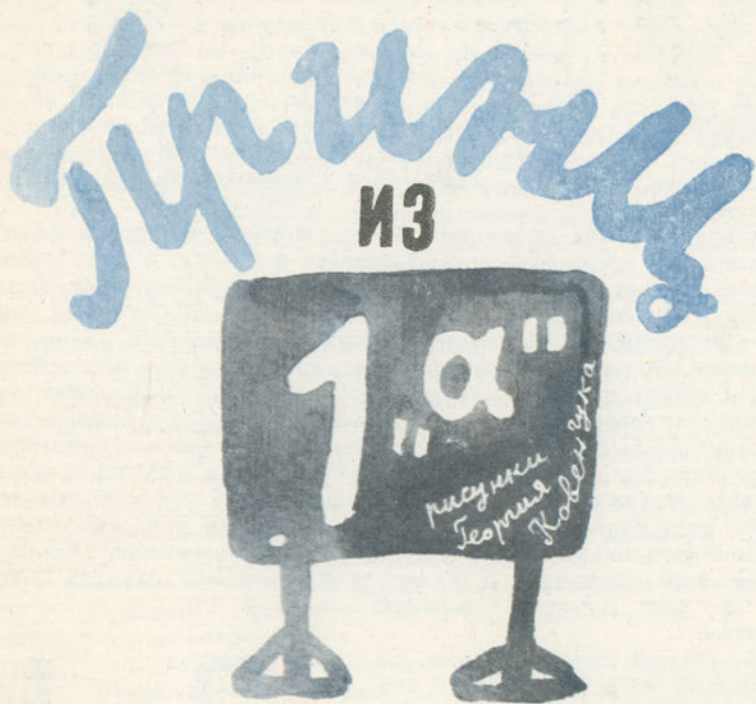
Технический редактор О. Е. Иванова. Корректор Л. А. Вочкарева.

ИБ 8080

Сдано в набор 19.07.84. Подписано к печати 15.01.85. Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Шрифт школьный. Усл. печ. л. 3. Усл. экз. 31. Уч.-изд. л. 2.39. Тираж 300 000 экз. Заказ № 711. Цена 20 коп. Ленинградское отделение орденом Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росгипполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

СЕРГЕЙ ВОЛЬФ

Рассказ

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1985

тром в воскресенье, когда я проснулся, солнышко уже встало. В комнате был шум и гам, но я сначала ничего не понял. Я посмотрел на большого солнечного зайчика на стене, потом на своего плюшевого медведя Федосея, потом на мамин букет ромашек, потом... Так вот откуда идёт этот шум-гам! Папа и мама, сидя на тахте, играли в ладошки. Каждый из них хлопал сначала в свои ладошки, потом в ладошки другого, потом опять в свои, потом опять в чужие — всё быстрее и быстрее, кто раньше промает.

Я очень люблю, когда папа и мама играют в ладошки вместе со мной. Но когда они играют вдвоём, без меня, я тоже очень люблю, потому что тогда они ведут себя совсем как маленькие. А они ведь вовсе не маленькие, они очень даже большие, они же — взрослые. Вы даже представить себе не можете, какие они взрослые. Они уже давным-давно кончили ходить в детский садик, и школу они давно окончили, и даже окончили институт. Да что там говорить — они давным-давно работают. Меня ещё и на свете не было, а они уже работали. Моя мама — библиотечкарь. Там, где она работает, в библиотеке, в огромной такой комнате, полно разных книжек — миллион. И она всем, кто захочет, даёт их на время почитать. Главное же, тот, кто читает, должен быть очень аккуратным и отдавать маме книгу обратно, совсем как новенькую. А то она этому человеку никогда больше не даст почитать никакую книжку.

А вот мой папа... Смешно, конечно, об этом вспоминать, но, когда я был совсем маленьким, я даже не знал — кто мой папа и кем работает. Я знал только, что иногда, раз в год, он куда-то надолго уезжает, на целых два или даже три месяца. Он уезжал далеко-далеко и лазил там по горам — так говорила мама. Но я и думать не думал, что, когда он лезет по горам, он работает.

Однажды на даче мы пошли с папой копать червяков для

рыбной ловли. Он взял лопату, ба-
ночку, куда класть червяков, и мы
пошли. И вот по дороге папа вдруг
остановился у какого-то бугорка
земли среди камней, у какой-то ма-
ленькой горочки. Он обошёл её не-
сколько раз вокруг, немного по ней
поползал, потрогал её рукой, даже,
по-моему, чуть-чуть её понюхал и
потом сказал, что вот сейчас мы
возьмём лопату и, очень может
быть, откопаем кое-что интересное.

— Кое-что? — Я удивился. —
Разве не червячка?

— Может быть и червячка, — сказал папа, — но, возможно,
и кое-что интересное.

Он стал копать эту горочку лопатой и вдруг сказал: «А вот
и он» — и показал мне камешек величиной со спичечный коро-
бок, желтоватенький, весь в искорках — очень красивый. И тут
же я стал дико хохотать и даже кататься по траве, потому что
папа сказал, что этот камешек называется «бельевой шкаф».

Я так хохотал, что мой папа сначала ничего не мог понять,
а потом понял и сказал, что это я ничего не понял, не расслы-
шал, а камешек называется вовсе не «бельевой шкаф», а «поле-
вой шпат» — такое вот у него название.

— Так что это у нас в руке? — строго спросил он у меня.

— «Бельевой шкаф»! — ска-
зал я, всё ещё хохоча.

— Итак, запомни, — снова
строго сказал он, — «по-ле-вой
шпат». Это во-первых. Во-вторых,
обрати внимание, — мы его вы-
ко-па-ли. Верно? И, в-третьих,
этот камешек — по-лез-ный. Вы-
копали полезный камешек — зна-
чит, он кто?

— Он — полевой полезный
шпат, который мы выкопали.

— Молодец, — сказал папа. —
Значит, он — по-лез-но-е ис-ко-
па-е-мо-е. Полезное ископаемое,
понял?

— Понял! — радостно сказал я. — Конечно, он — полезное ископаемое.

— Когда я уезжаю от вас на целых два-три месяца и лазаю по горам, — сказал папа, — я ищу и откапываю именно полезные ископаемые.

— Я тебе очень завидую, — сказал я.

— Это и есть моя работа, — сказал папа. — А когда человек делает вот такую работу — он как называется?

— Не знаю, пап, — сказал я.

— Ге-о-ло-гом, — сказал папа. — Я — геолог.

Вот как я узнал, кто мой папа. Мы потом много раз играли с ним в геологов, мне это очень понравилось. Иногда мы находили разные полезные людям ископаемые, и червячков находили, и рыбу ловили, так что я подумал, что, может быть, я вырасту и тоже стану геологом. Это ведь так интересно. И в ладошки геологам играть можно. Ведь вот папа — геолог, а в ладошки играет.

...В общем, я проснулся в воскресенье, а папа с мамой, оказывается, вовсю в ладошки играют: шум-гам-тарарам!

— Я выиграла! — закричала мама. — Значит, наш сын Алёша вырастет человеком, — я так загадала.

— А если бы я выиграл? — спросил папа.

— Тогда оболтусом.

— Вставай, оболтус! — сказал мне папа, увидев, что я за ними подсматриваю. — По-моему, всё же я выиграл.

— Никакой я не оболтус! — закричал я, вскакивая с кровати. — Я хороший! Мама выиграла — я видел.

— Итак, наш хороший! Сегодня воскресенье, я не иду на работу, а ты в детский сад. Чем займёшься?

— А вчера, — говорю, — была суббота, тоже выходной, и ты то же самое спрашивал.

— Ну и... — сказала мама.

— Спокойно! — сказал папа.

Я говорю:

— Вчера я просил: пойдём в планетарий, где звёзды...

— Ну, а я что?

— А ты, — сказала мама папе, — лучше на Невку, посмотреть, клюёт там твоя плотва или не клюёт. Вы и поехали.

— И тебе на Невке не понравилось? — спросил у меня папа.

— Очень даже понравилось! Только зачем тогда спрашивать, чем мы займёмся, если мы всё равно...

— Вот именно! — сказала мама.

— Сдаюсь. А сегодня мы точно займёмся тем, что выберете именно вы. Поехали, ребята, на пароходике?!

— Разве и я поеду? — спросила мама.

— Конечно.

— А целая гора посуды?

— Я сам её вымою, — сказал папа. — Вернёмся, и вымою. И постираю.

— Конечно! — заорал я. — А я тебе помогу! Я всё сделаю!

— Чудесно, — улыбнулась мама.

— В детстве я мечтал стать капитаном парохода, — сказал папа. — А ты? Ну, конечно, кроме геолога.

Я задумался, а он говорит:

— А ты, мама? Ты кем мечтала стать?

— А я мечтала стать... бабушкой, — сказала, улыбаясь, мама. — И чтобы было много внучат.

— Ну, это ещё успеет, — сказал папа. — Вспомнил? — спросил он у меня.

— Да я много кем мечтаю стать, — сказал я. — И этим, и этим, и этим...

— Потрясающе! Завидую! Ты запиши в тетрадку, кем ты мечтаешь стать, чтобы ничего не забыть. Во всяком хорошем деле должен быть свой порядок.

И пока они с мамой долго возились, чтобы нам поехать на пароходике, я так и сделал. Читать я давно научился, писать — умею, считать — умею. Скоро ведь в школу! И у меня получилось, что я мечтаю стать семерыми разными людьми: принцем, хоккеистом, продавцом мороженого, дрессировщиком, писателем, космонавтом и — первоклассником.

Тут же я сообразил, что мечтать получается — по одному человеку в день, раз в неделю — семь дней.

Сегодня я мечтаю быть одним, завтра — другим, послезавтра — третьим... Понятно?

Конечно, в каждом деле должен быть порядок. Если наш папа так сказал, значит, так оно и есть, я ему верю.

А на пароходике мы покатались очень даже неплохо.

И ещё вместе с нами была Пятя, девочка из моего дома. Мы вместе ели мороженое, и я пригласил её заходить к нам и иногда мечтать со мной вместе и вместе со мной играть, и она согласилась.

Очень она хорошая девочка.

ПОНЕДЕЛЬНИК

— Уважаемый король! — ору я на всё королевство своему плюшевому медведю. — Ты изверг, Федосей, и злое существо! Отдавай принцессу!

Но король Федосей молчит.

Я скачу вокруг него на своём огнедышащем скакуне, размахиваю щитом и мечом и кричу:

— Где принцесса?! Куда ты её запрятал?! Я — принц Алексей Храбрый! Понял, Федосей?! Я тебя всё равно разгромлю!

А мой медведь молчит.

— При-инц, — пищит из-под кровати Патя. — Я тут, мой спаситель! Противный король Федосей запрятал меня в подземелье. Здесь мыши, здесь даже есть очень большие крысы, холодина, и я погибаю в расцвете сил.

— Я, принц Алексей Храбрый, не дам тебе погибнуть в расцвете сил!

— Только ты побыстрее, а то мне пыльно лежать и Федосей уже сюда идёт.

— А где твой волшебный приёмник на восьми транзисторах?! — ору я.

— Тут. У меня.

— Тогда у меня волшебный щит! И волшебный меч! — ору я. — Ты включай свой волшебный транзистор, и я тогда короля разгромлю, а тебя — освободю! Ур-ра!

Тут Патя включила транзистор на всю катушку, король Федосей аж прямо весь затрясся от страха, но тут появилась мама и говорит:

— Дай-ка мне сковородку: сейчас вы с Патей будете есть яичницу.

И отбирает у меня мой волшебный щит.

Я с трудом вытаскиваю грязную Патьку из-под кровати и говорю:

— Временное перемирие. Пойдём помоем руки с мылом: надо подкрепиться. Злое существо — оно знаешь какое сильное?!

— Я тоже хочу яичницу, — говорит король Федосей, и мы берём его с собой в ванну, а потом на кухню.

Принцесса Патя ест яичницу с булкой.

Я, принц Алексей, — потихонечку с ириской.

А злой король Федосей — с помидорами.

Между прочим, короли очень любят яичницу с помидорами, вот почему их с первого раза никогда не победить.

— Чего это ваш Федосей весь мокрый и в мыльной пене? — спрашивает мама.

— А что же, по-твоему, только мальчикам и девочкам перед едой мыться обязательно? — говорю я. — А королям, что ли, и медведям — не обязательно?

— Ешь-ешь, — сказала мама. — Ты прав — перед едой всем мыться обязательно.

— Чего-то мне глаза мылом щиплет, — хнычет Федосей, и мама снова тащит его в ванную. Ужас, до чего все эти короли капризные!

ВТОРНИК

Замечательно — проснулся я хоккеистом.

Хорошо быть хоккеистом!

Хоккеисты умеют летать надо льдом, кувыркаться в воздухе, даже шлёпаться на лёд — и ничего, не разбиваются.

Их кормят мороженым и поят соками, чтобы они всегда были в форме.

И форма у них красивая, с номером и фамилией.

Очень я люблю своего Федосея, но, может быть, я и его бы отдал за хоккейную форму с моим номером и моей фамилией.

Хоккеисты часто летают на самолётах в Канаду и всегда всех побеждают.

Подумайте только, каждый день они сколько душе угодно катаются на коньках, и никто их за это не ругает.

Их все любят и все им помогают. Не получается у них, например, забить гол, им все тогда кричат: «Шайбу! Шайбу!», и они её тут же забивают. С ходу.

Принца, между прочим, на улице вовсе не каждый узнает, а хоккеиста — каждый.

После матча им дарят ириски и огромные хрустальные кубки для пепси-колы на память.

У них много клюшек. И у каждого — целый килограмм шайб.

Захочет хоккеист после передачи «Спокойной ночи, малыши» смотреть телевизор дальше — пожалуйста, ему никто и слова не скажет.

На ночь им наверняка читают весёлые приключения и сказки про принцев и принцесс. Мне-то читают — но ведь не каждый день.

Если хоккеист что-нибудь не так делает, его наказывают всего на две минуты, а не на полчаса, как меня, и никто ему не скажет, как мне моя мама: «Завтра в зоопарк не пойдёшь».

— Мамуля! — говорю я. — Сегодня я — хоккеист, а льда нет, ведь лето же. Как быть?!

— Сделай утреннюю зарядку.

— А это-то зачем?

— Затем, что хоккеист всегда должен быть в хорошей спортивной форме.

— Если так — тогда совсем другое дело.

И я делаю зарядку.

СРЕДА

— Беру все рули управления на себя, — говорю я в микрофон на Землю. — Приступаю к посадке на планету Венеру.

— К мягкой посадке? — спрашивают.

— Да, к мягкой, — говорю я. — К какой же ещё?

— А вы не забыли с утра сделать физзарядку? — спрашивают. — А то космонавт, как и хоккеист, должен быть всегда в отличной спортивной форме.

— Так точно, не забыл! — говорю я.

— Не забывайте, — говорят с Земли, — что на Венере нет жизни и нет воздуха. Не забудьте надеть шлем.

— Слушаюсь! Не забуду! — говорю я, надевая шлем.

Тр-р-р! Тр-р-р! Ш-ш-ш-ш!

И я совершаю мягкую посадку. Очень мягкую.

Иду по Венере. Мрак. Темнота. Кажется даже — тигры рычат. Честно говоря, страшно, но я не подаю вида.

Вдруг смотрю — Пата. Откуда взялась?!

— Ты откуда взялась? — говорю.

— А я в дверь позвонила, мне твоя мама открыла.

— Ты смотри у меня, не балуйся. Ты на Венере, а не где-нибудь. Тут воздух другой, ещё задохнёшься. Быстренько надевай шлем. Я командир корабля и я за тебя отвечаю.

Я отдаю Пате свой хоккейный шлем, а на себя надеваю абажур от лампы, и мы идём по Венере. Жутко страшно, но если что, — я Патьку защищу.

— Ты не забыл? — говорит Пятя. — Тебе скоро ко мне в гости пора! Помнишь, вчера моя мама пригласила тебя на пирожки с капустой?

— Ну да?! — говорю. — Вот это да! Тогда летим к тебе скорее! И совершим мягкую посадку!

И, взявшись за руки, мы летим с Патей к ней в гости. Я, между прочим, ещё вчера решил, что буду сегодня вместе с Патей трудиться изо всех сил — строить сверхвысотный дом из кубиков. Мама говорит, что, если трудиться изо всех сил, очень захочется манной каши, а от манной каши — это всем известно — кто угодно будет сильным. А разве можно стать космонавтом, если ты слабый? Или хоккеистом? Верно? Так что трудиться — это очень важное дело.

А Патькины папа и мама долго хохотали. Они решили, что я гном, а никакой не космонавт, потому что я примчался к ним в гости с длинным красным абажуром на голове.

ЧЕТВЕРГ

Я позвонил Пате по телефону и говорю:

- У тебя ириски есть?
- Целых три штуки.
- Приходи ко мне скорее!

Когда она пришла, я уже был в своей белой шапочке и маминном белом переднике, а на стул я поставил мороженое-стаканчик, как раз мне его мама купила за то, что я отлично ел манную кашу, потому что хорошо потрудился.

— Стой здесь, — сказал я Пате. — А я тут буду. Я, между прочим, самый настоящий продавец мороженого. Захватила ириски? Теперь спрашивай, буд-то ты покупатель. Ну, спрашивай, чего полагается.

— Скажите, пожалуйста, — говорит Пата. — А почём ваше мороженое?

— Три ириски. Это моё мороженое стоит ровно три ириски. Понятно вам, товарищ покупатель?

— А... а разве не одну?

— Смешно, — говорю. — Именно что ровно три ириски.

— Может быть, две? У меня всего две.

— Не ври! У тебя три было.

— А я и не вру. Я одну по дороге съела.

— Безобразие, — сказал я. — Ну, бери за две. — И отдал ей стаканчик. Тут же я надел на Патьку мою белую шапочку и мамин передник. И говорю:

— Почём, товарищ продавец, ваше мороженое?

— Оно уже не продаётся. Я сейчас его буду есть.

— Как это так, не продаётся? — возмущился я. — Очень даже продаётся, раз вы продавец. Или вы не хотите быть продавцом? Странно.

— Тогда две ириски.
— А у меня всего одна.

— Не стыдно вам врать, товарищ покупатель?! — говорит Патька. — У вас же две было!

— А одну я уже ем, разве не видите? — говорю.

— Ах, действительно. Тогда мороженое не продаётся, а я сейчас буду его есть.

— То есть, как это — есть?

— Я же его купила.

— Одна есть будешь?! Неужели одна?!

Тут Патька улыбнулась и говорит:

— Нет. Отчего же. Не одна. Вдвоём. Попролам. Раз я девочка, я должна быть очень доброй и заботливой.

Я ужасно обрадовался, что она такая добрая

и заботливая, а она меня спрашивает:

— Ты почему играешь в продавца? Тебе нравится?

— А потому, что, когда я сам на улице мороженое покупаю, у меня делается хорошее настроение. А когда я продавец, у всех будет хорошее настроение.

— Ой, правда, — сказала Пятя. — У меня сейчас очень хорошее настроение.

— А вот если бы у меня было хорошее настроение и если бы это мороженое было моё, я бы тебе тоже отдал половинку.

— А хочешь, я тебе всё своё мороженое отдам?

— Ну что ты, — сказал я скромно. — Это вовсе не обязательно.

ПЯТНИЦА

Весь день в детском саду я ждал, когда же я приду домой и сяду писать рассказ: ведь я же сегодня писатель.

Дома я решил: буду писать большими буквами, тогда и рассказ получится большой. Ведь верно?

Я написал сначала так:

РАСКАЗ

Потом пониже:

ПИШИТ АЛЕША ПЕТРОВ.

А потом вот что:

Я МИЧТАЮ СТАТЬ ПИСАТИЛЕМ. КОГДА Я ИМ СТАНУ, Я НАПИШУ РАСКАЗ ПРАТО, КАК Я МИЧТАЮ СТАТЬ ШКОЛЬНИКОМ. ВСЁ.

Я показал рассказ маме, и она сказала:

— Хороший рассказ. Правда, есть ошибки.

— Какие? Ты покажи, — сказал я.

— Сам «рассказ» пишется с двумя буквами «эс»: «рассказ». Не «мичтаю», а «мечтаю». Не «писатилем», а «писателем». Не «пра» то, а «про» то. Понял? Не «пишит», а «пишет». Чтобы стать писателем, сначала писать надо грамотно научиться.

— А раньше нельзя?

— А раньше нельзя.

— И как быть?

— Кончишь школу, тогда и попробуешь.

— Ишь, какая хитрая, — говорю. — Это я сейчас хочу написать рассказ, что мечтаю стать школьником. А если я уже кончу школу и перестану быть школьником, про что же я тогда напишу? А?

— Про что-нибудь другое.

— Ну про что?

— Ну, например, про своего щенка.

— А разве он у меня и правда когда-нибудь будет?!

— Вполне возможно.

— Ой, — сказал я. — Вот чудеса! Тогда я сегодня домечтаю о том, будто я принц, у меня огромная собака, и я на ней верхом еду с мечом к своей любимой принцессе Пате. Можно я к ней съезжу?

— Конечно, — сказала мама. — Только, когда войдёшь в Патин замок, обязательно вытри ноги у двери. Это раз.

— А два? — спросил я.

— Передай привет Пате от королевы.

— А королева — это кто?

— А королева — это я, раз ты принц.

СУББОТА

Утром я не сам проснулся. Меня папа разбудил.
— Зарядка — быстро! Мыться — быстро! Завтракать — пу-
лей!

Я даже растерялся. Что такое?!

Не успел я опомниться, а все мы уже в «Жигулях» сидим.
Это, оказывается, папины и мамины друзья, дядя Пека и тётя
Тася, нас за город пригласили.

Хорошо было мчаться по шоссе, и на заливе в песке играть
было хорошо, и купаться, и загорать — всё мне очень понрави-
лось.

Лежим мы все на животах, на одеяле, пепси-колу пьём, бу-
терброды едим и вдруг — смотрим, идёт прямо к нам коза! Рога-
тая — ужас!

Мама и тётя Тася вскочили и убежали в воду — от козы.

А папа и дядя Пека встали, чтобы защищать от козы женщин и детей. А я вдруг побежал с бутербродом навстречу козе, потом остановился и говорю:

— Коза! Коза! Здравствуй!

Коза тоже остановилась и закивала мне головой. Поздоровалась со мной.

Я сделал два шага ей навстречу: р-раз, два!

И она сделала два шага мне навстречу: р-раз, два.

— Ешь, козочка, ешь, — сказал я и протянул ей бутерброд. — Ешь, он с сыром.

Она кивнула мне и откусила половинку бутерброда. Я погладил её по лбу, и она тихонько толкнула меня лбом в ладошку. Потом я сказал:

— Козюля, пошли-ка со мной, а то взрослые тебя боятся.

Я пошёл по пляжу к лесочку, и она пошла за мной. Там я отдал ей вторую половину бутерброда, она его съела, кивнула мне и ушла в лес, а я вернулся к своим. Мама сказала:

— Если бы не папа и дядя Пека, я прямо не знаю, что бы было.

А папа говорит:

— Ну что ты, мама! Наш Алёшка — настоящий дрессировщик!

Тут я засмеялся:

— Верно, пап! А я ведь совсем забыл, что сегодня мой день играть в дрессировщика. Здорово получилось, да?

— Он эту козу очаровал своей теплотой и добротой, — сказала тётя Тася.

— А по-моему — бутербродом, — сказал дядя Пека.

— Да-а, здесь есть о чём подумать, — сказал папа, а я побежал и плюхнулся в воду, потому что очень жаркий был денёк.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

На другой день мама мне говорит:

— Ну что, мой принц-дрессировщик, пойдём сегодня в планетарий?

А папа отвечает:

— Может, в зоопарк лучше, а? К зверяткам? Ты, Алёшка, что хочешь?

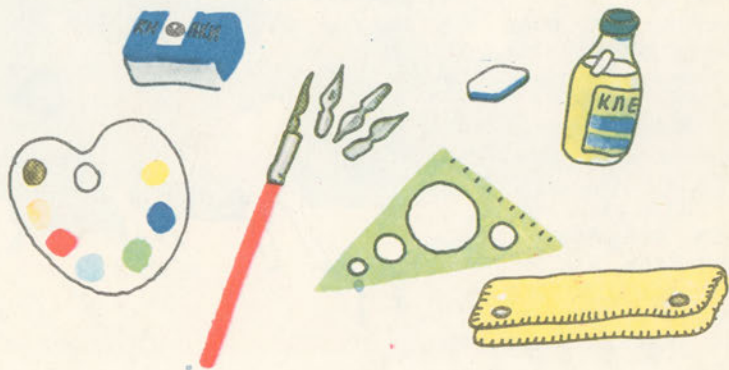
— Мне всё нравится. Даже не знаю, что выбрать. Только я сначала немного помечтаю, будто я первоклассник. Самый настоящий.

Они вдруг зашушукались, и мама сказала:

— Ты правда мечтаешь стать первоклассником? Именно мечтаешь, или тебе просто хочется?

— Мне так хочется, ну, прямо так хочется стать первоклассником, что я об этом просто мечтаю.

Они опять странно как-то пошушукались, и папа сказал:

— Выйди-ка на кухню, наше сокровище. Мы тебя позовём.

— Тайна, да, пап? — спросил я шёпотом.

— Ну, конечно, — шепнул папа.

На кухне я сидел долго и всё волновался: какая же у них там такая от меня тайна? Вдруг мама крикнула:

— Входи! Входи быстрее!

Не знаю почему, но в комнату я вошёл на цыпочках. Папа и мама стояли ну прямо по стойке смирно, папа махнул рукой и сказал:

— Это всё — тебе!

На столе лежали — тетрадки, авторучки, резинка, учебники, карандаши, фломастеры, счёты, портфель — настоящий, школьный, а на стуле висела... школьная форма. Школьная форма!!!

Я долго бегал, прыгал, смеялся, всё хватал руками, обнимал папу и маму.

— Ладно уж, — сказала мама. — Мы думаем тебе всё попозже отдать, но раз ты мечтаешь... Ну-ка, надень форму, привыкай. Через месяц — в школу.

Я быстро наддел

на себя форму, мама сказала: «Замечательно! А мы волновались — вдруг малá!», и я тут же позвонил Пате.

— Ну да, Лёшик?! — сказала она. — Правда? И мне мои сегодня тоже всё подарили. Давай встретимся! В формах!

Мы встретились и целый час гуляли, взявшись за руки, в формах, по нашему саду. А когда вернулись ко мне, мои папа и мама и Патины папа и мама пили чай с вареньем.

— О! Наша школьница пришла! — сказал про Патьку мой папа.

— И наш школьник, первоклассник! — сказала Патькина мама и щёлкнула меня по носу.

А потом мы все вместе отправились в зоопарк и планетарий — смотреть на зверят и звёзды.

